

ALEXANDRE II LIBÉRATEUR par PIERRE ALISSOFF

Prix: 1 fr.

АЛЕКСАНДРЪ II ОСВОБОДИТЕЛЬ

(Переведено на французскій и итальянскій языки).

Распятие и пытки стали удѣломъ всѣхъ мужественныхъ и честныхъ людей въ Россіи. Въ полномъ разгарѣ XIX вѣка, на глазахъ у всей Европы, русское правительство свершаетъ тѣ вѣрства, передъ которыми становятся олимпіа-момъ злодѣйства бани-бурзуковъ, гекатомбы дагомейскаго короля. Испанская инквизиція во время Торквемады одна только даетъ приблизительное понятіе о томъ, что у насъ свершается всюду.

Я обращаюсь къ суду цивилизованной Европы; если въ ней на вѣки не умерли чувства чести, справедливости, гуманности, состраданія къ ближнему, она отзовется!

Вся Европа, не исключая Германіи, съ ужасомъ и отвращеніемъ отнеслась къ палачеству русскаго правительства; въ одинъ голосъ она произнесла, во время войны за освобожденіе славянъ: „Рабъ, сбей съ ногъ своихъ кандалы — и тогда освобождай націю....“ Она предчувствовала дикую развязку и презрительно улыбнулась надъ нашими лакейскими грезами, о дарованьяхъ свыше послѣ войны....

За нашу кровь и великія жертвы намъ даровали черный столбъ съ веревкою и новыя центральныя тюрьмы; надъ нашими трунами на войнѣ издѣвались турецкіе башни-бузукы; послѣ войны, лучшую нашу молодежь выбросили въ живодерию, и съ цѣпей спустили на нихъ живыхъ, полныхъ огня и силы, нашихъ родимыхъ башни-бузуконъ!!.... Еще одна такая побѣда, еще одно освобожденіе и мы сольемся вполнѣ съ азіатскими наріями и раздѣлимъ ихъ свѣтлое будущее.

Въ англійскомъ парламентѣ энергическіе люди четыре раза требовали вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, требовали протеста и изобличали, на позоръ всему міру, русское правительство въ его чудовищныхъ звѣрствахъ

Пусть клерикалы и разныхъ шерстей роялисты, смотрящіе на Россію, какъ на землю обѣтованную, прочитаютъ внимательно мою статью.....

L'histoire est un bain aujourd'hui.

В. Гюго.

..... Надгробное рыданіе
По людям убіеннымъ за родину,
За любовь къ волѣ человеческой.

Н. Огаревъ.

Николай I, взошедъ на престолъ, тотчасъ же употребилъ всѣ записки отъ него средства — сдѣлаться „незабвеннымъ.“ Онъ повѣсилъ нѣтъ декабристовъ, остальныхъ сослалъ въ Сибирь, но на каторгѣ онъ не тиранилъ своихъ беззащитныхъ жертвъ. Генералъ-губернаторъ Сибиря Муравьевъ Амурскій, давшій имъ возможную свободу, боялся ответственности передъ Николаемъ, и, къ великому своему удивленію, не получилъ даже выговора, а услыхалъ слѣдующія, удивительныя слова: „Я для примѣра долженъ былъ къ нимъ отнестись строго, но я не хочу ихъ карать теперь: они и такъ наказаны!“

Николай сослалъ (навѣрное тоже для примѣра) на десятилѣтнюю каторгу кружокъ Петрашевскаго за проникновеніе идеями Фурье, Кабе и за прочтеніе вслухъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

Николай носилъ на могучихъ плечахъ незабвеннѣйшую, мѣдную голову; мѣдь, изъ которой отлита была его голова, годилась бы по звонкости, упругости звука и прочимъ качествамъ не для трона, но для лучшаго колокола, лучшей церкви первопрестольной столицы нашей Москвы. Онъ вѣровалъ очень искренно, что самодержавіе подъ ручку съ православіемъ, окруженный дремучими лѣсами розогъ, могутъ спасти наше дорогое отечество. Онъ гналъ съвозъ строй всю Россію, не прерывая этого филантропическаго занятія даже ночью. Путь самодержавнаго прогресса былъ усыпанъ отрѣзанными пучками розогъ, былъ вскрынутъ кровью отечественныхъ задовъ. Никогда неразсуждающій солдатъ, онъ стремился сдѣлать 80-милліонное царство неразсуждающимъ солдатомъ. Идеаль Николай былъ такой же мѣдный и выколпванный, какъ его голова. Раскрутѣвъ невѣжда, не прочитавшій во всю жизнь ни одной книжки, онъ съ остервенѣніемъ